

ЗАМѢЧАНІЯ О ЯЗЫКѢ
СКАЗАНІЯ О СВ. БОРИСѢ И ГЛѢБѢ,

ПРИПИСЫВАЕМАГО НЕСТОРУ, СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ЯЗЫКОМЪ ЛѢТОПИСИ.

АДЪЮНКТА Н. БИЛЯРСКАГО.

Лѣтъ десять тому назадъ, наши ученые съ особеннымъ участіемъ занимались вопросами о древнѣйшихъ Русскихъ писателяхъ. Можетъ быть отчасти этимъ участіемъ было вызвано, между прочимъ, изданіе сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ археологическимъ обществомъ. Изданіе было ожидаемо любителями древности съ большимъ нетерпѣніемъ. Казалось, что ему стоило только явиться, чтобы вновь оживить изслѣдованія, которыя повели бы нѣсколько важныхъ и любопытныхъ вопросовъ къ окончательному рѣшенію. Вышло напротивъ. Изданіе сказаній, вмѣсто того, чтобы быть началомъ новаго умственного движенія, само сдѣлалось только концомъ прежде бывшаго, хотя оно, естественно могло имѣть назначеніемъ не рѣшить возбужденные нѣкогда вопросы, а только представить наличный матеріалъ, котораго прежде не доставало въ рукахъ ученыхъ для подробнаго изслѣдованія дѣла. Ученое любопытство какъ будто охладѣло съ тѣхъ поръ, какъ сказанія сдѣлались доступными всѣмъ и каждому. Довольно странное явленіе, и указать причину его не только любопытно, но вѣроятно было бы и поучительно. Напрасно было бы ссылаться на то, что ученый редакторъ изданія не сообщалъ, въ краткомъ очеркѣ, содержанія изслѣдованій, въ кругъ которыхъ входили издаваемые сказанія, и не выставилъ ясно задачи, рѣшеніе которой при пособіи изданія стояло на очереди. Эти изслѣдованія были такъ недавни, возбужденные въ нихъ во-

просы такъ живы, и участіе къ нимъ такъ рѣшительно, что издателью по справедливости могло казаться излишнимъ напоминать читателямъ то, что и безъ того у нихъ должно быть свѣжо и живо въ умѣ и въ памяти. Издатель тѣмъ болѣе могъ не дорожить такимъ напоминаніемъ, что въ тоже время онъ озабоченъ былъ разъясненіемъ и изложеніемъ многихъ другихъ спеціальныхъ подробностей, которыя, при своей необходимости для изданія, не могли бы, въ случаѣ упущенія ихъ издателемъ, быть вознаграждены собственною начитанностью каждаго. (Таковы именно въ предисловіи изданія свѣдѣнія о характерѣ и содержаніи сборника, въ которомъ сохранились сказанія, свѣдѣнія о другихъ текстахъ, которыми нужно было воспользоваться при изданіи и т. д.). Притомъ и безъ предварительныхъ напоминаній со стороны издателя, довольно было, не говорю, прочесть внимательно, а только пробѣжать изданные тексты, чтобы прямо попасть на главную задачу изслѣдованія, которая рѣзко кидается въ глаза читателю. Въ изданіи вы видите предъ собою два разныхъ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ; въ одномъ изъ нихъ сочинитель называетъ себя Несторомъ; весьма естественно принимать этого Нестора за одно лицо съ лѣтописцемъ; а между тѣмъ отдѣльное сказаніе, снабженное его именемъ, не только не довольно сходно съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Борисѣ и Глѣбѣ, но и содержитъ въ себѣ много такихъ данныхъ, которыя нейдутъ къ составителю лѣтописи. Эти историческія противорѣчія были мѣтко выставлены въ вышеупомянутыхъ изслѣдованіяхъ и вызвали нѣсколько дѣльныхъ попытокъ ихъ объясненія. Но какъ бы ни были вѣроятны результаты этого историческаго анализа, для основательной ихъ полноты и прочности оставалось еще разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ подтверждается эта вѣроятность *филологическимъ* разборомъ сказаній? Именно въ какомъ отношеніи находятся сказанія другъ къ другу и къ лѣтописи по языку? На этотъ-то вопросъ и должно было ожидать изслѣдованія, какъ скоро появилось ученое изданіе текста сказаній; а между тѣмъ, какъ мы сказали, изданіе не вызвало ни одной подобной попытки: почему же?

Главная причина, мнѣ кажется, состоитъ въ трудности требуемаго филологическаго изслѣдованія, которая до крайности увеличивается недостаткомъ главнаго и необходимаго пособія для его выполненія. Наши старинные тексты представляютъ, какъ извѣстно, довольно пеструю смѣсь, которая пугаетъ ученое любопытство непостоянствомъ, случайностью и произвольностью употребленія словъ

и формъ. Всмотриваясь пристально, можно пожалуй замѣтить, что въ одномъ памятникѣ въ сравненіи съ другимъ преобладаетъ та или другая изъ главныхъ историческихъ стихій языка; но затѣмъ спрашивается, можно ли положительно опредѣлить степень этого преобладанія, и, если можно, то остается ли она у извѣстнаго писателя постоянно и составляетъ ли характеристическую особенность его слога? Пожалуй, посчастливится также найти у одного писателя нѣсколько словъ, неупотребляемыхъ другимъ: но слѣдуетъ ли изъ этого, что послѣдній не зналъ ихъ или не могъ употреблять по особенности своего слога? И такъ ли значительны окажутся при подробномъ разборѣ такія разницы по количеству и качеству, чтобы на нихъ можно было основать понятіе о слогѣ какого-либо писателя въ отличіе отъ другаго? На эти вопросы нельзя съ увѣренностью отвѣчать ни да, ни нѣтъ, пока нѣтъ ни одного опыта полного сравненія двухъ памятниковъ. А пока не обезпеченъ утвердительный отвѣтъ какими-либо опытами, неудивительно, если при всемъ сознаніи необходимости филологическаго сравненія никто не возьмется за него, изъ опасенія, что онъ приведетъ, можетъ быть, лишь къ отрицательному результату, то есть, изъ опасенія, что весь трудъ будетъ почти потерянъ. И какой трудъ! Тягость его при нынѣшнемъ недостаткѣ пособій, въ состояніи истощить всякое терпѣніе даже при вѣроятности положительнаго результата. Положимъ, что вы предпринимаете подобный опытъ на сравненіи сказанія съ лѣтописью, чтобы провѣрить правильность приписки имени Нестора къ сказанію: за грамматическимъ и лексикальнымъ анализомъ сказанія вамъ предстоитъ всѣ частности этого анализа отыскивать въ лѣтописи и повторять эти поиски въ текстѣ ея столько разъ, сколько данныхъ представитъ текстъ сказанія. Но и отыскавъ извѣстное слово въ лѣтописи, надобно еще знать, оно ли одно употребляется въ ней въ этомъ значеніи или попеременно съ какимъ-либо другимъ словомъ, и которое изъ нихъ составляетъ прямое, естественное названіе предмета. Если же извѣстное выраженіе сказанія не отыскивается въ лѣтописи, то спрашивается, замѣнено ли оно въ ней другимъ, или въ ней не было случая употребить его. Отъ этихъ безконечныхъ поисковъ въ текстѣ лѣтописи не можетъ избавить никакая начитанность, никакая память; даже зная наизусть весь текстъ, нельзя считать себя готовымъ отвѣчать на всѣ вопросы, которыхъ нельзя напередъ и высчитать. Дѣло можетъ быть облегчено только особою предварительною подготовкою текста лѣтописи къ подобнымъ сравненіямъ, именно подробнымъ грамма-

тическимъ разборомъ, а въ лексикальномъ отношеніи не просто указателемъ словъ, а словаремъ, составленнымъ посредствомъ строгаго изслѣдованія словъ во всемъ ихъ употребленіи на пространствахъ лѣтописи. Безъ этого пособия нельзя и ожидать подробнаго сравненія и положительныхъ характеристикъ нашихъ древнихъ писателей; а безъ такихъ сравненій у насъ всегда будетъ недоставать существенныхъ успѣховъ въ исторіи языка.

При невозможности предпринять полный сравнительный разборъ обоихъ памятниковъ, стоило ли сравнивать ихъ въ какомъ-нибудь десяткѣ словъ, взятыхъ, если не случайно, то все-же лишь по какому-то личному благоусмотрѣнію? Мнѣ кажется, стоило, хотя бы для того только, чтобы на дѣлѣ показать необходимость главнаго, существеннаго пособия для такихъ сравненій. Если же эта ограниченная попытка покажетъ возможность какихъ-либо положительныхъ заключеній, то тѣмъ болѣе можно надѣяться, что полные сравнительные разборы памятниковъ будутъ не напрасны; а могутъ вести къ опредѣленнымъ историко-филологическимъ результатамъ. Въ такихъ видахъ предлагаются нижеслѣдующія наблюденія надъ языкомъ приписываемаго Нестору сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, сравнительно съ языкомъ лѣтописи.

Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемое Нестору, поражаетъ читателя выдержанностью старо-славянской рѣчи. Не смотря на сильный отгѣнокъ руссизмовъ въ правописаніи, языкъ сказанія въ образованіи и измѣненіяхъ словъ и въ ихъ сочиненіи, и въ сочетаніи предложеній, для русскаго писателя необыкновенно удачно воплощаетъ правила старо-славянской грамматики. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи, я долженъ ограничиться лишь общимъ отзывомъ не приводя частности, которыя, бывъ взяты отдѣльно, не имѣли бы силы. Только въ полномъ грамматическомъ разборѣ сказанія и тѣхъ мѣстъ лѣтописи, въ которыхъ господствуетъ старо-славянский складъ, можно бы было показать положительно, какъ велика разница между обоими текстами и можно ли ихъ приписывать одному и тому-же перу. Но если не трудно бы было сдѣлать грамматическій анализъ сказанія, то подобный разборъ лѣтописи представляетъ вовсе не такой трудъ, который можно бы выполнить мимоходомъ, по постороннему поводу*). Волею или неволею и впредь

*) Анализъ старо-славянской части языка лѣтописи и сравненіе съ нею какого-либо другаго текста потребуютъ очень сложныхъ соображеній, потому что лѣтописецъ то выписываетъ изъ готовыхъ источниковъ почти буквально, то пользуется ими болѣе или менѣе свободно, то пускается въ старо-славянскую рѣчь самостоятельно.

будетъ оставаться въ этомъ отношеніи пробѣлъ при всякой попыткѣ сравнить какой-нибудь меньшій памятникъ съ лѣтописью, пока она не будетъ разобрана сама по себѣ.

Въ употребленіи словъ по ихъ значенію сочинитель сказанія какъ-будто нарочно избѣгаетъ русскихъ выраженій и употребляетъ старо-славянскія, — и странно, что ему удается выдержать этотъ стиль: онъ не проговаривается чистыми руссизмами, какъ это обыкновенно случалось съ нашими древними писателями, вопреки ихъ желанію. Съ напряженнымъ вниманіемъ ждешь этихъ невольныхъ обнаруженій природнаго нарѣчія сочинителя, — и не дождешься. Едва-ли наберешь полдюжины словъ, которыя можно приурочить исключительно русскому языку, тогда какъ въ остальномъ, если и много словъ, часто употребляемыхъ въ нашей старинной литературѣ, то они столь-же свойственны и старо-славянскому языку. Не будь такихъ выраженій, какъ: *въ оторопь*, *осадить въ погребь*, *спрятать тѣло*, *сжалиться* съ предлогомъ *по*: тогда намъ пришлось бы признать это сказаніе произведеніемъ не русскаго, а кого-нибудь инаго славянскаго писателя, тѣмъ болѣе что въ немъ между старо-славянскими словами есть, хотя не многія, такія, которыя въ самой старо-славянской литературѣ, какъ видно, встрѣчаются рѣдко, какъ напр. *спона*, *вздать рѣчіе*, или такія, которыя не были принимаемы древними русскими писателями, какъ напр. *верста*, *узница*, *страна*, въ смыслѣ народа, *весь* въ значеніи всякій (*страна* въ этомъ смыслѣ два-три раза встрѣчается въ лѣтописи только въ мѣстахъ, вычитанныхъ въ готовыхъ письменныхъ источникахъ, напр. стр. 41, 42, 43, по изд. Арх. Ком.); а *весь* вмѣсто всякій едва-ли встрѣчается и въ такихъ мѣстахъ). Формы: по двояю *днью* и *млаголятъ* *), намекаютъ даже на болгарскую порчу старо-славянскаго языка, которая и могла только-что начинаться во времена Нестора и которую странно видѣть въ устахъ русскаго подражателя церковной письменности.

Пересмотримъ теперь нѣкоторыя изъ словъ, чаще употребляемыхъ.

Вмѣстѣ съ словомъ *послатъ* сочинитель сказанія употребляетъ въ томъ-же смыслѣ слово: *пуститъ* (стр. 3 и 7), хотя оно одинъ разъ употреблено и въ смыслѣ: попустить. Въ лѣтописи *пуститъ* вмѣсто *послатъ* не употребляется.

---

*) Ихъ можно впрочемъ относить на счетъ послѣдняго писца, во времена котораго такія формы въ болгарскихъ рукописяхъ были часты.

Стр. 4. «Симъ снѣ бывшимъ оста же *страна Русская* въ первѣй прельсти идольскыи». — Стр. 5... *волоудый всею землею Русскою*». — Стр. 10. «Святополкъ... хотяше... *всю страну* покорятѣ». Стр. 11. «Болящю же ему (Владиміру) въ *страну* его придоша ратнии». — Тамъ-же: «Глѣбъ восхотѣ отбѣжати на *полунощныя страны*». — Стр. 20. «Святополкъ... хотя... самъ владѣти *всѣми странами*». Тутъ-же: «*мзбъжашу* ему въ *страны чужыи*». Слово *страна* въ нѣкоторыхъ изъ этихъ фразъ употребляется несогласно съ глѣтописью. Тамъ *страна* означаетъ собственно *чужую землю*; да и чужія-то то земли не называются странами, когда говорящій упоминаетъ объ нихъ не по отношенію къ мѣстности, которую онъ самъ считаетъ своею, а относительно къ ея природнымъ жителямъ. «Гдѣ *земля* ваша» (а не *страна*)? Спрашивалъ Владимиръ Жидовъ. «Богъ расточи ны по *странамъ*», отвѣчаютъ они (стр. 36 по изданію Арх. Комм.), и за тѣмъ прибавляетъ глѣтописецъ, что Римляне расточили ихъ по *странамъ* и они работаютъ въ *странахъ*. По этому представленію, сопряженному съ словомъ: *страна*, фраза: *отъ страну ити* (стр. 67) значила: идти въ чужую землю; отсюда-же произошли слова: странствовать (стр. 6), странникъ, странний. Это значеніе *страны* и *земли* въ глѣтописи подтверждается сотнями примѣровъ. Говоря о своемъ отечествѣ глѣтописецъ не могъ сказать: *страна наша, страна русская*, какъ пишетъ сочинитель сказанія; глѣтописецъ говорилъ: *русская земля, земля наша*; точно также: *ваша земля, своя земля, моя земля, ихъ земля*.

Замѣчательно, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глѣтописецъ имѣлъ подъ рукою готовый письменный источникъ, являются уклоненія отъ показаннаго употребленія, похожія на приведенныя фразы сказанія. Такъ въ выпискѣ изъ Амартола (стр. 6) говорится: «въ *внутрьѣйшей странѣ ихъ*».... «любо далече *страны* своя будуть» Въ обоихъ случаяхъ, по вышеупомянутому словоупотребленію надобно бы было ожидать слова *земля*. За то и встрѣчается это, какъ сказано, въ мѣстахъ заимствованныхъ и стало-быть не составляетъ собственной фразеологіи глѣтописца. Эти отступленія, очевидно, происходятъ отъ вліянія старо-славянскаго языка, въ которомъ употребленіе словъ *страна* и *земля* имѣетъ въ основаніи хотя тѣ-же представленія, какъ у глѣтописца, но, очевидно, ушло дальше, какъ показываетъ выраженіе: (вгъсви) отъидоша въ *странѣ* своя.

Въ договорахъ встрѣчаются выраженія не только: *отъ страны рускія*, но и *отъ странъ нашихъ*, въ *странѣ црствіа нашего* — по видимому совершенно вопреки употребленію, выставленному мною за

нормальное. Но кромѣ того, что оно не принадлежитъ самому лѣтописцу, оно здѣсь однородно съ фразами: *обою страну* (15, 19), *объ оную страну* (стр. 28), *на сию страну* (тутъ-же), т. е. составляетъ другой родъ употребленія, который можетъ совмѣщаться съ первымъ безъ противорѣчія.

Стр. 5. *Бысть бо, рече, князь въ тѣхъ годы, володыи всею землею русскою, именемъ Владимиръ.* Такъ начинается рассказъ послѣ вступленія. По нынѣшнему, эту фразу надо передать такъ: *быль говорятъ, въ тѣ времена князь, владѣвшій всею русскою землею, по имени Владимиръ.* Не много нужно вдумываться, чтобы почувствовать, какъ странно это оборотъ рѣчи въ устахъ киевлянина XI вѣка, притомъ такого, какъ Несторъ, и о такомъ князѣ, какъ св. Владимиръ. Народная молва была полна воспоминаніями и о его языческихъ доблестяхъ и о христіанскихъ добродѣтеляхъ; а сочинитель сказанія говоритъ объ немъ какъ о лицѣ, извѣстномъ по какому-то смутному преданію. И это преданіе дѣйствительно было спутано. Вопреки лѣтописи и народнымъ воспоминаніямъ, сочинитель сказанія увѣряетъ, что Владимиръ, бывъ еще «елинъ вѣрою, бѣ милостивъ къ нищимъ и къ сиротамъ» и т. д. Конецъ жизни князя, очевидно, перенесенъ на первую ея половину: ужели такъ могло быть уже во времена Нестора и въ самомъ Кіевѣ? Далѣе рассказывается, какъ на Владимира наведена была отъ Бога *илкамъ спомъ* — обстоятельство, извѣстное только сочинителю сказанія, а не лѣтописцу. Но мнѣ не для чего вдаваться въ историческое содержаніе сказанія, уже достаточно разсмотрѣнное другими: я касаюсь его лишь для того, чтобы указать, какъ несообразно начало рассказа по своей манерѣ съ характеромъ и положеніемъ многосвѣдущаго лѣтописца*). За тѣмъ перехожу къ отдѣльнымъ выраженіямъ этого мѣста.

Въ тѣхъ годы есть выраженіе старо-славянское, не встрѣчающееся въ этомъ смыслѣ въ лѣтописи, въ которой оно значитъ не время вообще, какъ въ старо-славянскомъ (по словарю А. Х. Востокова), а опредѣленную пору, пору чего-нибудь, какъ напр. «егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви» (страница 73, изд. А. К.); «отъ года до года пребывъ умре» (с. 89). Понятіе времени вообще и опредѣленной поры довольно близки другъ къ другу и названіе одного легко можетъ замѣнять другое: тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ лѣтописи нѣтъ этой замѣны.

*) По употребленію *рече* въ значеніи безличнаго глагола есть въ лѣтописи: *Въ бо, рече, у Саломона жезъ 700 и т. д. стр. 84.*

Вышеупомянутое *слова*, вѣроятно, есть старо-славянское слово; оно такъ рѣдко въ древней литературѣ, что не вошло даже въ словарь А. Х. Востокова, и только по какому-то счастью захвачено въ «Словарь церковно-Славянскаго и Русскаго языка».

Елинь въроу, говоритъ сказаніе о св. Владимірѣ: это выраженіе не свойственно гѣтописцу. «Людье мои *погани* суть и сынъ мой», говоритъ св. Ольга патриарху (стр. 26): такъ обыкновенно и называются язычники въ противоположность христіанамъ. Язычество древнихъ Руссовъ называется еще русскою вѣрой, или они называются просто не хрещени, также: невѣрнии людие, невѣгласи. А елиновъ въ смыслѣ язычниковъ я нашелъ только во вставкѣ объ ангелахъ хранителяхъ, не находящейся въ Лаврентьевскомъ спискѣ, и напечатанной по Ипатьевскому и Хлѣбниковскому. Тамъ, вмѣстѣ съ поганіи, читается слѣдующая фраза: «не поганъ ли побѣжаше и вси елини кумиролужебници?» (стр. 129). Такъ какъ здѣсь говорится о бѣгствѣ Дарія съ его войскомъ отъ Александра Македонскаго, то слово елинь, очевидно, употреблено не въ этнографическомъ смыслѣ, а въ переносномъ, въ значеніи идолопоклонниковъ, и въ самомъ ли источникѣ, которымъ пользовался гѣтописецъ, было уже прибавлено *кумиролужебници*, а гѣтописцемъ передано механически, или гѣтописецъ прибавилъ *кумиролужебници* для поясненія слова *елини*, во всякомъ случаѣ выходитъ, что это слово либо вовсе было непонятно гѣтописцу въ переносномъ своемъ значеніи, либо казалось ему неудовлетворительнымъ.

Въ текстѣ сказанія довольно скоро попадаетъ слово *вельможя* (стр. 6); между тѣмъ гѣтописецъ какъ-будто чуждается его: оно встрѣчается у него чуть-ли не одинъ разъ: «мною *вельможя* величаются» (стр. 66), притомъ въ выпискѣ изъ Соломона, и то ужъ къ концу гѣтописи; а сколько сотъ разъ былъ случай употребить это слово! Вмѣсто его употребляется: *болре* или *боляре*. Такъ какъ и это слово употребляется въ текстѣ сказанія, то кстати нѣсколько обстоятельнѣе прослѣдить употребленіе этого слова въ гѣтописи.

Уже у Рюрика было два мужа «не его племени, но *болриина*»: это Аскольдъ и Диръ. Этотъ титулъ у гѣтописца едва-ли означалъ собственно военачальниковъ. Греческіе цари въ нашей гѣтописи, и именно при заключеніи договоровъ, постоянно являются съ «*боллярами*», съ «*болярствомъ*» съ «*боллярами и сановниками*», или съ «*боллярскими сановниками*»; а при договорахъ нужны, конечно, не одни военные. Возгѣ нашихъ князей гѣтописецъ тоже ставитъ

боляръ, но не такъ прямо и рѣшительно, какъ при греческихъ пряхъ. Говоря отъ себя лѣтописецъ скупится давать этотъ титулъ. Олегъ и Игорь посылаютъ для заключенія договоровъ *муже своя*, а не бояръ; Святославъ — *льпшиѣ муже*, а не бояръ, и только въ самыхъ договорахъ они называются *болярами*, да и то не постоянно, а съ замѣною титуломъ князей.

Можно однако подозрѣвать, что имя *болярина* значило не всѣмъ одно и тоже, что *льпшиѣ мужи* и синонимическія выраженія: *лучшиѣ*, *нарочитыѣ мужи*: послѣдніе упоминаются напр. у Древлянъ, у Кривичей, у Чуди, у Вятичей, но ни разу не называются боярами. Объ удѣльныхъ князьяхъ позднѣе говорится: *каждо съ боляры своими* (стр. 78).

Гораздо рѣшительнѣе и постояннѣе являются бояре у великаго кн. Владиміра. Теперь этотъ титулъ не только не замѣняется другими званіями, но ставится возлѣ ихъ рядомъ, какъ-бы для того, чтобы отличить отъ нихъ. Не набирая много примѣровъ, привожу слѣдующія два мѣста съ одной страницы, которыя можно назвать классическими. Владиміръ... «сзываетъ *боляры* своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ», и потомъ: «устава... приходити (на пиры къ себѣ) боляромъ и гридемъ и съцкимъ и десятицкимъ и нарочитымъ мужемъ» (стр. 54). Впрочемъ лѣтописецъ даетъ имени бояръ и обширнѣйшее значеніе, противопоставляя имъ убогихъ: плакашася по немъ (Владиміръ) боляре... (и) убози... (стр. 56); здѣсь выставляются какъ-бы двѣ крайнія степени изъ всѣхъ сословій и состояній народа.

Въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ въ такой противоположности ставятся то вельможи, то боляре: «Владиміръ заповѣда вельможамъ своимъ и всѣмъ людемъ да ся крестятъ» (стр. 6). Ярославъ «створи... прръ великъ... не токмо боляромъ, нъ и всѣмъ людемъ.»

Стр. 7. «Пусти же благовѣрный князь сыны своя кождо на свою *область*, якоже дасть имъ самъ». Дальше еще нѣсколько разъ слово *область* въ томъ-же смыслѣ, въ значеніи удѣла, и только оно и употребляется для этого понятія. Опять несогласно съ лѣтописью, въ которой удѣлъ называется *волостью* или *властью*, рѣже *кляженіемъ*. Кромѣ того власть или волюсть въ лѣтописи употребляется еще въ слѣдующихъ значеніяхъ: «хрестьяне отъ власти нашае» (стр. 21; ср. стр. 22, 31). Всеволодъ «перенма власть рускую всю» (стр. 87, ср. стр. 60); «не имѣють власти зимовати у св. Мамы» (стр. 21, ср. стр. 22). Но въ смыслѣ удѣла *область* вовсе не встрѣчается въ лѣтописи и вообще употребляется очень рѣдко

въ отвлеченномъ значеніи владычества, напр. «смирити область егуштску».

Богъ — *цесарь* (стр. 7), Давидъ — *цесарь* это въ порядкѣ вещей; но за тѣмъ сочинитель сказанія употребляетъ титуло цесаря вовсе не такъ осторожно, какъ лѣтописецъ. У послѣдняго царь или цесарь, царство или црствіе говорится собственно о греческихъ императорахъ и отнюдь не распространяется на русскихъ князей. За то не только греческіе императоры, но и невѣста и потомъ супруга Владиміра, Анна, постоянно называется *царицей*, а Владиміръ остается великимъ княземъ. Сочинитель сказанія, напротивъ, называетъ повелѣніе великаго князя — *цесарскимъ* (стр. 9) и представляетъ даже, будто митрополитъ обратился къ Ярославу съ титуломъ: *Благовоѣрный царю!* (стр. 27). По словамъ сказанія, братья Іосифа опасались, что этотъ любимый сынъ Іакова «хочетъ надъ ними *цесарствовати*» (стр. 10). Лѣтописецъ сказалъ бы *володѣти*.

Въ сказаніи — *проповѣдникъ*, (стр. 8), въ лѣтописи — *быричь*.

Верста — возрастъ (стр. 9). Лѣтописцу много было случаевъ употребить это старо-славянское слово и однако онъ будто вовсе его не знаетъ.

Равнымъ образомъ лѣтописецъ употребляетъ слово *копые*, а не *сулица*, какъ сочинитель сказанія.

Сочинитель сказанія мѣряетъ разстоянія *стадіями*, и именно между русскими городами Вышегородомъ и Кіевомъ (стр. 17); лѣтописецъ — *верстами* (стр. 110). (Выраженія въ выпискахъ изъ другихъ *русскихъ* писателей, какъ въ настоящемъ случаѣ, я думаю, позволительно приписывать самому лѣтописцу. Нѣтъ ли впрочемъ какой-либо разницы между выраженіями самого лѣтописца и его письменныхъ, даже русскихъ источниковъ, — конечно, стоитъ еще изслѣдовать).

Лодыи сочинитель сказанія называетъ исключительно *кораблями*, употребляя это слово иногда въ уменьшительной формѣ. Въ лѣтописи то и другое очень часто, *лодыи* впрочемъ чаще. Слова эти здѣсь употребляются, какъ синонимическія. Вотъ для примѣра. Игорь ходилъ на Грековъ въ *лодыль* и на конихъ (стр. 19) и тутъ-же лодыи эти называются *кораблями*. Владиміръ Ярославичъ ходилъ на Царьградъ въ *лодыль*, которыя опять тотчасъ называются *кораблями* (стр. 66, 67). Изъ подробнаго наблюденія оказывается, что тамъ, гдѣ надобно предполагать у лѣтописца письменный славяно-византійскій источникъ, у него легко являются подъ перомъ *корабли*; а потомъ вслѣдствіе навыка у него образовалась интера-

турная манера называть лодьи кораблями, которую впрочемъ онъ часто забываетъ, увлекаясь живымъ представленіемъ дѣйствительности. Для сочинителя сказанія такого увлеченія не существуетъ.

Въ сказаніи: *старѣйшина поваромъ* (19), *старѣйшина граду* (21) *старѣйшина*, *иже бѣ властелинъ граду* (25), *старѣйшина попомъ* (29), *старѣйшина древодѣлемъ* (32). Вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ старо-славянскимъ оборотамъ, едва-ли не единственная въ этомъ родѣ фраза въ лѣтописи: *старѣйшина чину ангельску* (стр. 37), и притомъ она принадлежитъ къ изложенію ветхо-завѣтной исторіи въ разсказѣ о крещеніи в. к. Владиміра, то-есть, принадлежитъ къ такому мѣсту гдѣ лѣтописецъ руководствовался въ изложеніи готовымъ славяно-византійскимъ источникомъ. За тѣмъ *старѣйшиной* называется Невродъ (3); между бѣсами, явившимися Исаакію, былъ также *старѣйшина* (стр. 84). Въ собственномъ изложеніи лѣтописца очень часто встрѣчаются *старѣйшины* и *старци*, *старѣйшими града* или *градскіе* и *людскіе*, *старѣйшины по вѣсѣмъ градомъ*. Но въ единственномъ числѣ, то-есть *старѣйшина града* или *граду* не встрѣчается, и, вѣроятно, не случайно. Сочинитель сказанія, прибавляя къ старѣйшинѣ поясненіе: «иже бѣ властелинъ града» и употребляя иногда просто: *властелинъ града*, какъ будто недоволенъ былъ своимъ выраженіемъ и старался назвать вещь собственнымъ ея именемъ; но это, очевидно, ему не удавалось. Лѣтописецъ въ подобныхъ случаяхъ не затрудняется находить и употреблять собственные названія. *Властель*, *волостель* (все-же не властелинъ), въ лѣтописи, сколько могу припомнить, употребляется лишь въ отвлеченномъ значеніи.

Вышеупомянутые *древодѣли* называются въ лѣтописи *плотниками*.

Подвигается ли къ окончанію вопросъ о писателѣ обоихъ памятниконъ выставленными фактами языка, пусть судятъ, какъ угодно; но видно, что они въ отношеніи къ этому вопросу не безъ значенія, а этого и довольно покуда, потому что до сихъ поръ и это нужно еще доказывать. Именно, выставленныя мною разности ведутъ къ заключенію, что сочинитель сказанія не одно и то-же лицо съ лѣтописцемъ. Увеличилось ли бы число разностей между обоими текстами и усилилась ли бы ихъ значительность продолженіемъ сравненія? Не хочу утверждать этого, но едва ли кто возьмется и увѣрять въ противномъ. Можетъ быть, впрочемъ, нѣкоторыя отдѣльныя разности при полномъ разборѣ видоизмѣнятся

въ своемъ значеніи. Такъ напр. въ такомъ короткомъ текстѣ какъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, для одного понятія встрѣчаются три однозначашія названія: *кмиръ*, *причетъ* и *церковникъ*: легко могло бы явиться, пожалуй, и четвертое. Ясно, что при тогдашнемъ возбужденіи мысли и слова къ дѣятельности и особенно при готовыхъ литературныхъ пособіяхъ, доставлявшихъ притомъ разнообразныя стихіи, для новаго понятія вдругъ явилось нѣсколько названій, и каждое изъ нихъ могло быть употребляемо съ одинаковымъ правомъ и въ одинаковомъ значеніи. Если же одинъ писатель совмѣстилъ ихъ въ одномъ сочиненіи, то другой, или и тотъ же самый, но въ другомъ сочиненіи, могъ допустить только одно изъ нихъ не по особенному предпочтенію, а потому только, что надобно же было употребить то или другое. Въ такомъ случаѣ принимать употребленіе одного названія и неупотребленіе другаго за характеристическое отличіе писателя, очевидно, было бы опрометчиво. Но если такимъ образомъ, выны изъ замѣчаемыхъ разностей были бы потеряны для характеристики писателя, за то здѣсь изъ-за частнаго вопроса возникаетъ не менѣе интересный общій вопросъ — о словахъ въ древнемъ языкѣ, которыхъ употребленіе было шатко по причинѣ новости выражаемыхъ ими понятій. Эта шаткость показывала бы выраженные ими понятія, такъ сказать, въ процессѣ образованія. Съ другой стороны, если при началѣ христіанскаго образованія у насъ возникало много новыхъ понятій и представленій, которыя требовали новыхъ выраженій, то конечно не мало и коренныхъ русскихъ представленій удержалось и утвердилось въ новомъ умственномъ движеніи, постоянно высказываясь въ опредѣленномъ образѣ выраженій, который выдерживался писателями, не смотря на вольныя и невольныя увлеченія пришлыми формами рѣчи. Въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ литературный и филологическій естественно касается народнаго быта, вѣшняго и внутренняго, и только выигрываетъ въ интересѣ и значеніи. А между тѣмъ для выполненія такого рода изслѣдованій требуется сухой, по видимому, чисто-механической трудъ — составленіе подробныхъ словоуказателей къ древнимъ писателямъ, какъ объяснено выше.